

На правах рукописи

Переяшкин Алексей Владиславович

**Художественное осмысление политических реалий в современной
русской прозе (на материале произведений С. Шаргунова,
А. Проханова, Л. Бородина)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Пятигорск – 2021

Работа выполнена на кафедре языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель: Доктор филологических наук, профессор
Шульженко Вячеслав Иванович,
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства

Официальные оппоненты: Доктор филологических наук, доцент, Безруков
Андрей Александрович,
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», профессор кафедры отечественной литературы и журналистики
Института русской и иностранной филологии

Доктор филологических наук, доцент
Фокин Александр Алексеевич,
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения педагогического факультета

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Защита диссертации состоится 19 июня 2021 г. на заседании диссертационного совета Д 212. 101. 04 по филологическим наукам, созданным на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, 7, ауд. 309.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кубанского государственного университета по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, и на сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» <https://www.kubsu.ru/ru>

Автореферат разослан «_____» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Безрукавая Марина Васильевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Активизация политической жизни на рубеже XX – XXI вв. закономерно вызвала интерес к политической тематике со стороны гуманитарных наук, среди которых важное место занимает филология, исследующая природу вербального аспекта данного явления. Новизна и недостаточная изученность этой проблемы открыли широкие возможности перед учёными, представляющими различные школы литературоведения, лингвистики, семиотики и др. Появляются новые понятия, методы и подходы. Немаловажное значение приобрела политическая тематика в художественном тексте, ставшая особенно актуальной в постсоветский период с его идейно-политическим плюрализмом и коллизиями неолиберальных и консервативных тенденций. Это обусловило возросшую значимость политических жанров в медийном пространстве и беллетристике. На книжном рынке особое внимание привлекают произведения, в художественный мир которых органично вписываются реалии политической жизни: события, конфликты, дебаты, митинговая риторика, публицистические жанры и прочее. Поэтому вполне закономерно то, что особым вниманием литературоведов стали пользоваться поэтика и проблематика политической прозы в различных идеологических контекстах.

Л. И. Бородин, А. А. Проханов, С. А. Шаргунов являются популярными писателями традиционалистского направления. В своём творчестве они обращаются к актуальным вопросам политики, экзистенциальным темам человеческого бытия, ценностной парадигме современного российского социума. Несмотря на общность взглядов по многим положениям жизнеустройства нашей страны, каждый из авторов по-своему подходит к их философскому осмыслению и художественному воплощению, что обуславливает неугасающий интерес к их творчеству, как со стороны научной филологической среды, так и широкой читательской аудитории.

Актуальность диссертации определяется объективной необходимостью литературоведческого исследования феномена политической тематики в

художественных текстах как одного из наиболее распространенных и значимых социально-культурных явлений современного российского общества. Системный анализ политического дискурса с учетом его институциональных характеристик позволяет не только установить способы бытия его ценностно-отмеченных смыслов, но и увидеть специфику профессионально-обусловленной поэтики художественных текстов, расширить представление об их жанровых модификациях и обосновать исключительную роль взаимодействия аксиологических, исторических и религиозно-философских факторов в современной политической прозе.

Объектом исследования выбраны романы С.А. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома», А.А. Проханова «Красно-коричневый», Л.И. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней», а также публицистические работы и интервью этих писателей.

Предмет исследования – особенности политического дискурса и его художественное осмысление в прозе С. Шаргунова, А. Проханова, Л. Бородина в контексте ценностной традиционалистской парадигмы как мировоззренческой основы творчества этих писателей.

Целью является анализ авторского восприятия политической проблематики и ее жанрово-художественного воплощения в современной российской прозе. Цель обусловила постановку следующих **задач**:

1. Определить жанровое своеобразие романа С. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома», исходя из художественного отображения историчности в политологической системе координат.

2. Проанализировать особенности художественной системы романа А. Проханова «Красно-коричневый», рассмотреть поэтику идеологического и религиозно-философского аспектов произведения.

3. Исследовать метафизический элемент романа «Красно-коричневый», определить его мифопоэтическую структуру и её идейно-эстетические функции.

4. Определить художественную специфику политического элемента в романе Л.И. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней», исследовать его жанрообразующую функцию в мировоззренческом контексте.

5. Проанализировать концептосферу романа Л. Бородина, выявить её религиозно-этический смысл и приёмы его художественного воплощения.

Источниковедческая база включает в себя труды по традиционалистской аксиологии Л. Г. Ивашова, И. Д. Осипова, А. С. Панарина, Н. В. Полякова, А. В. Щипкова¹ и др.

Среди публикаций, посвящённых творчеству С. Шаргунова, А. Проханова и Л. Бородина, важными для нашего исследования стали работы: Л. Аннинского, П. Басинского, С. Белякова, В. Бондаренко, С. Булатовой, Л. Данилкина, А. Десницкого, В. Дружининой, М. Дунаева, Л. Кублановского, А. Нестеровой, Ю. Павлова, А. Панкова, Л. Подольского, А. Рудалёва, В. Шохиной, А. Солженицына, Н. Федченко, И. Штокмана² и др.

Новизна исследования: определяется тем, что впервые в диссертационной работе институциональный политический дискурс рассматривается как обладающий эстетическим потенциалом и объективирующий не только ценностную парадигму, но и обуславливающий жанровую природу художественного произведения. Впервые

---

¹ См.: Ивашов Л. Г. «Геополитика Русской цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2015; Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии. М.: Изд-во Институт русской цивилизации, 2012; Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002; Поляков Ю. Россия в откате. М.: Астрель, 2011; Щипков А. В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.03. М., 2016.

² См.: Аннинский Л. Правды и правдежки // Литературная газета. 1990. 7 ноября. №45; Басинский П. Как сердцу высказать себя? // Новый мир. 2000. № 4; Беляков С. Современная русская проза о Великой Отечественной войне // Урал. 2005. № 5. 23; Бондаренко В. «Красно-коричневый» (Владимир Бондаренко – о новом романе Александра Проханова) // Газета Завтра. 1993. № 6; Бондаренко В. Неожиданная проза Леонида Бородина: К 60-летию со дня рождения // Наш современник. 1998. № 4; Булатова С.Н. Модификации жанра политического романа в современной советской литературе: ("Победа", "Неоконченный портрет" А. Чаковского, "Дерево в центре Кабула", "В островах охотник", "Африканист" А. Проханова, "Южнее реки Бенхай" М. Домогацких). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1986; Десницкий А. Семейный портрет на фоне горящего дома. URL: <https://www.pravmir.ru/semejnyj-portret-na-fone-goryashhego-doma/>; Дружинина В.И. "Смятенный" человек в прозе Л. Бородина: к проблеме национального характера: дисс. ... кандидата филологических наук. Воронеж, 2009; Дунаев М. Православие и русская литература: В 6 ч. М.: Христианская литература, 2000; Казанцева И. Проза Л. Бородина: дисс.... кандидат. филолог, наук. Тверь, 1994; Кублановский Ю. «Без выбора»: неволя, нищета счастье... // Новый мир. 2004; Куняев С. «Дон-Кихотъ» и «третья правда» // Литература в школе. 1991. №2. Нестерова Л.А. Нравственно-философские искания автора и героев в прозе Леонида Бородина: дис. ... кандидата филологических наук. Саратов, 2007; Павлов Ю. Леонид Бородин: «наказанный» любовью к Родине // Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX-XXI веков. М.: Литературная Россия, 2011; Панков А. В. Закономерности развития русской советской прозы 60-70-х годов. Идеино-художественные тенденции, гуманистические искания, социально-нравственная проблематика: автореферат дис.... доктора филологических наук. М., 1990; Подольский Л. Семейный портрет на фоне истории. URL: http://www.ng.ru/lit/2013-11-21/5_dom.html; Рудалёв А. Пароль: «Девяносто третий». URL: <http://lgz.ru/article/-33-34-6427-27-08-2013/parol-devyanosto-tretiy/>; Федченко Н. Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов (В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова): дисс. кандидат. филолог, наук, 2000; Шохина В. Коза Ася и Черный Октябрь // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaaya-rovostka/Koza-Asya-i-SChernyj-Oktjabr>; Штокман И. Леонид Бородин – слово и судьба. М.: Моск. гор. орг. Союза писателей России, 2000.

конструируется традиционалистская аксиосфера политического дискурса в художественном тексте, определяется его структура и поэтика, представленные архетипическими моделями и религиозно-этическими императивами. Политические реалии в романах С. Шаргунова, А. Проханова, Л. Бородина анализируются в контексте взаимосвязи эстетических, исторических и философских факторов.

Методологической основой исследования являются труды выдающихся отечественных и зарубежных учёных как в области фундаментальной философско-эстетической мысли, так и отдельных литературоведческих проблем. Используя в нашем анализе термин «дискурс», мы понимаем его в широком смысле, как «текст, взятый в событийном аспекте; как речь целенаправленного социального действия». Подобное понимание предполагает совокупность связанных с политикой исторических, идеологических и социокультурных факторов. Таким образом, общетеоретической базой исследования стали работы: М. Бахтина, А. Безрукова, Н. Бердяева, М. Дунаева, И. Есаулова, И. Ильина, В. Кожина, К. Леонтьева, А. Лосева, Е. Мелетинского, Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), В. Проппа, В. Соловьёва, Ю. Сохрякова, А. Щипкова¹ и др. В работе над диссертацией мы также испытывали влияние идей зарубежных авторов: Ж. Бодрийера, П. Бьюкенена,

---

¹ См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Наука, 1963. 250 с.; Безруков А. А. Феномен возвращения к православию и категория страдания в русской классической литературе XIX века: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01/Место защиты: Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2007. 360 с.; Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.; Дунаев М. М. Православие и русская литература: [в 6-ти ч.] / Моск. духов. акад. Изд. 2-е, испр., доп. М.: Христиан. лит., 2001-2004. Ч. 1-2. 2001. 735 с.; Ч. 3. 2002. 762 с.; Ч. 4. 2003. 778 с.; Ч. 5. 2003. 780 с.; Ч. 6. кн. 1. 2004. 509 с.; Ч. 6. кн. 2. 2004. 525 с.; Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание /3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017. 550 с.; Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.; Кожин В.В. Россия как цивилизация и культура. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 1072 с.; Кожин В.В. Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991. 431 с.; Кожин В.В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М.: Мол. Гвардия, 1990. 252 с.; Леонтьев К. «О всемирной любви» / Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике. // Ф.М. Достоевский и Православие. М.: «Отчий дом», 1997. С. 261-297; Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1232 с.; Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.; Митрополит Иоанн (Снычев И.) Самодержавие духа. СПб.: «Царское дело», 1995. 346 с.; Митрополит Иоанн (Снычев И.) Русь соборная. М.: Царское дело, 1995. 248 с.; Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. 128 с.; Соловьёв В.С. Смысл любви: избранные произведения. М.: Современник, 1991. 525 с.; Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: философия и литература. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 720 с.; Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: диссертация ... доктора политических наук. М., 2016. 418 с.

М. Вебера, Р. Веймана, Г. Лебона, С. Хантингтона¹. Осознавая отличие «художественного варианта» политического дискурса от его «документального» (институционального) аналога, мы строго следуем специфике литературоведческого анализа, акцентируя внимание на поэтике воссоздания политических ситуаций, образов, мотивов в прозе С. Шаргунова, А. Проханова и Л. Бородина. Методологическим принципом исследования являются системность, последовательность и объективность анализа. Помимо этого, в зависимости от конкретных задач, нами задействуются приёмы и инструментарий мифопоэтического, биографического, структурного и мотивного анализов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Политический дискурс в романе С. Шаргунова «1993» имеет хроникально-исторический характер, реализующийся в рамках нормативно-ценностной методологии. Особое внимание автор уделяет стратегиям и тактикам политической борьбы, отсюда доминирование в поэтике текста публицистической документальности. Книгу С. Шаргунова можно определить, как «роман-свидетельство», где используется реалистический подход, основанный на сущностном, непредвзятом описании политических феноменов. Идеологический подтекст романа предполагает систему традиционалистских ценностей, а также ностальгию по русской соборности как духовно-организационному единству нации, жизненно необходимому ей во времена серьёзных испытаний.

2. По своему жанровому статусу книга А. Проханова «Красно-коричневый» представляет собой политический, державный, монолитно-монологический «роман-памфлет» антилиберального характера. Проблематика произведения усложняется нюансами религиозного аспекта, представляющего собой антиномию понятий «воинствующее Православие – добротолубие».

3. Новаторской особенностью политического дискурса в романе А. Проханова «Красно-коричневый» являются его сложная поэтика, включающая

---

¹ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-Классик, 2018; Бьюкенен П. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Иваново-Франковск: Ист-Вью. 2002; Вейман Р. История литературы и мифология / пер. с нем. О.Н. Михеевой. М.: Прогресс, 1971; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ: АСТ Москва, 2006.

наряду с метафизической образностью трансформации средневековых литературных, апокрифических и фольклорных традиций, а именно: образно-структурное начало «мифа о Граале», объединяющее мотивы сакрального поиска с мотивом искупительной жертвы; сюжетообразующий стержень жанра «хождений» в прямом и метафорическом смысле; интригу, развивающуюся по функциональной схеме «волшебной сказки». Всё это придаёт содержанию романа народно-творческие черты, дополнительный эмоциональный заряд, динамику и увлекательность.

4. Роман Л.И. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» определяется как философско-политическое произведение. Сюжетная развязка романа, несмотря на то, что касается конституционного кризиса 1993 года, не несёт в себе политологического смысла *борьбы за власть* между её исполнительной и законодательной ветвями. Политический дискурс в романе Л. Бородина средством постижения провиденциальных смыслов русской истории, частью религиозно-философской парадигмы национального бытия. Жанровую специфику произведения можно определить как «роман-размышление» об эпохе сложных исторических, духовных и политических коллизий.

5. Основная концептосфера романа Л. Бородина отражена в его названии – «Трики, или Хроника злобы дней» – и предполагает метафорический образ «смуты», реализующийся посредством взаимодействия нескольких художественно-смысловых блоков: мотива троичности, литературных реминисценций, библейских аллюзий, связанных с идеями добротолубия и противления злу, а также исторической достоверности, предполагающей реалистический хронотоп романа.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что проведенный анализ расширяет теоретический аппарат литературоведения, вносит вклад в дискурсивно-аксиологическую парадигму литературоведения и составляет теоретическую базу для изучения и моделирования концептосферы политической тематики в современной художественной прозе. Теоретическую значимость представляют полученные выводы о жанровой специфике и типологии

политического романа, позволяющие рассматривать социально-политическую реалию как литературный феномен. Существенно также определение функций и роли религиозно-этического фактора в развитии драматических коллизий сюжета и создании художественных образов, рассмотрение «соборности», «нестязательства», «добротолюбия» и «державности» как мировоззренческих доминант, современной традиционалистской литературы, описание характера художественного «двоемирия» как проекции метафорического взаимодействия социологии и метафизики, а также обоснование политического дискурса как средства постижения провиденциальных смыслов русской истории

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в лекционных курсах по русской литературе, в спецкурсах и семинарах по истории литературы России.

Апробация результатов исследования. Опубликовано 13 статей, из них 4 в научных изданиях рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Основные положения диссертации и ее результаты были представлены в докладах на различных научно-практических конференциях: Международная научная студенческая конференция «Русский язык, литература, культура: от прошлого к настоящему», посвященная 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына (Эскишехир, Турция, 2018); Международная научная конференция «Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе» МГОУ (Москва, 2019); Научно-методические чтения ПГУ (Пятигорск 2018, 2019, 2020); Международная научная конференция «Культурный код в интермедиаальном пространстве» (Алматы, Казахстан, 2019); Международная научно-практическая конференция «Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории» КубГУ (Краснодар, 2019, 2020).

Структура диссертации обусловлена методологией исследования и логической последовательностью решаемых задач. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, цель и задачи, методология и методы исследования, его актуальность, представлена изученность темы, научная новизна, научно-теоретическое и практическое значение диссертации. Здесь также сформулированы положения, выносимые на защиту, и указаны результаты апробации исследования.

Глава 1. «Истоки, сущность и типология русского традиционализма в художественной литературе» включает три параграфа. В параграфе **1.1. «Эстетика и политика в структуре художественного текста: постановка проблемы и дискурсный подход»** рассматривается понятие «политический дискурс» и его функциональная специфика, обусловленная целью и характером коммуникативных отношений, а именно: стремлением воздействовать на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата. Задачей художественного произведения также является воздействие на духовное пространство читателя, его ценностную систему и гражданскую позицию. Следовательно, эстетика и политика в художественных текстах взаимно-комплементарны и по сути своей идеологичны. При этом взаимодействие поэтики художественного текста с его политической составляющей имеет сложный характер и составляет дискурс комплексного типа, под которым мы понимаем художественный текст с учетом экстралингвистических факторов, связанных с его созданием, передачей, воспроизведением и восприятием. Такими факторами являются: а) политическая ситуация и политические события, б) идеологические императивы; в) позиция автора и его оценка происходящего; г) реакция читателей. Политическая тематика может сочетаться с любым из художественных жанров, модифицируя его в рамках, определённых авторским замыслом, характером главного конфликта и социально-политическим контекстом.

К наиболее восприимчивым к политическому дискурсу литературным жанрам можно отнести политический роман, политический детектив, политическую поэзию, мемуары и т.д.

В параграфе определяется типология романов с политическим дискурсом, исходя из принципа взаимодействия их художественной фактуры с фактами институциональной практики. К первому типу относятся произведения, являющиеся реакцией автора на определённую ситуацию или событие. Ко второму типу можно отнести произведения, которые представляют собой художественный материал, ставший политическим документом. Политический дискурс может сочетаться с любым из художественных жанров, модифицируя его в рамках, строго определённых авторским замыслом, характером главного конфликта и социально-политическим контекстом.

Параграф 1.2. «Консервативные тенденции в русской литературной классике» посвящён историческому подходу к ценностной парадигме консерватизма и его разновидностям в русской литературе. Консервативное мировоззрение в России XVIII в. (А.И. Сумароков, М.М. Щербатов, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин) формировалось под влиянием как национальной, так и европейской традиций. Разница между русским и западным литературным консерватизмом была в том, что в основе его отечественной философии лежали не абстрактно-пантеистические фантазии романтиков, а ценности православного христианства.

Главная особенность русского консерватизма заключалась в противоречии между принципом развития с опорой на старину и категорическим неприятием инноваций, то есть тем «дурным консерватизмом», который препятствовал любому творческому движению. Эта двойственность нашла свое отражение в русской литературной классике.

В XIX веке апологетике традиционных ценностей было посвящено немало произведений художественной прозы, поэзии и драматургии, в частности: теме самобытности русского народа (К. Аксаков), культу семейной гармонии (С. Аксаков), национально-русскому восприятию природы (Ф. Тютчев), пагубности либерально-революционных идей (Ф. Достоевский, Н. Лесков, А. Писемский), нравственно-проповеднической и православной тематике (Н. Лесков, Ф. Достоевский, К. Леонтьев), созданию народных характеров (Н. Гоголь, Н. Лесков), исследованию русского характера на пересечении

богоборческих и национально-православных тенденций (Ф. Достоевский). Одновременно в русской классике есть немало свидетельств критического отношения к теневой стороне консерватизма. Например, *бытовой* консерватизм изображается и как безобидная традиция (А. Пушкин), и как патриархальное самодурство (Н. Некрасов) или культурная отсталость (М. Салтыков-Щедрин). Откровенно гротескный характер имеет *народно-мистический* консерватизм, смешивающий христианские представления с дикой, языческой архаикой, когда воспринимаемые на слух библейские истины искажались пантеистической фантазией крестьян и облекались в самые невероятные формы. Особое место занимает в русской литературе *бюрократический* консерватизм, подвергающейся, как правило, резкой критике в произведениях Грибоедова, Гоголя, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Чехова и др.

В историческом континууме модель русского консерватизма имеет «социал-патриотический» характер и четырёхступенчатую структуру: национальный интерес, властный порядок, национализм и преемственность. Религиозный же фактор связывается с нравственной культурой и самосознанием личности. Религиозный фактор не ставится во главу угла, но связывается с нравственной культурой и дисциплиной, то есть играет скорее психологическую, чем политическую роль.

В параграфе **1.3. «Ценностная парадигма современного философско-литературного традиционализма»** рассматривается процесс становления русского традиционализма, берущего своё начало с апологии митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати». Краеугольным камнем современного патриотизма стала «русская идея» И. Ильина, сущность которой заключается в триединстве её основ: *любви, созерцания и свободе*. Если И. Ильин рассматривает русскую идею в философско-культурном плане, выделяя её самодостаточность, самобытность и историческую перспективность, то современные толкования, унаследовав многие концепции философа, рассматривают христианские императивы консерватизма в социологической плоскости традиционализма, где они обретают политологическое дыхание как действенные факторы современного

социогенеза и обуславливают интерес к стратегиям и тактикам преобразования российского общества на принципах позитивной многоуровневой преемственности¹. Исходным тезисом современного традиционализма является возвращение страны на путь её естественного, самобытного развития с учётом как до-, так и послереволюционного положительного опыта с целью создания современной, стабильной, национально-ориентированной государственности.

Современная аксиология российского традиционалистского дискурса определяется на основе обобщения публицистических работ и интервью таких известных писателей, как В. Белов, В. Бондаренко, В. Ганичев, В. Крупин, С. Куняев, В. Личутин, А. Проханов, В. Распутин, Л. Бородин и делается вывод о том, что Православие является источником всех национальных, жизнеобразующих ценностей, а именно: неразрывности веры и жизни, соборности, добротолубия, жертвенности и нестяжательства².

Отмечается такая важная особенность современного традиционализма, как тенденция к расширению его идеологического поля через преодоление исторической «непримиримости» на почве солидарного критического отношения к неолиберальным ценностям и западным моделям государственного жизнеустройства.

Глава 2. «Конституционный кризис 1993 года и его художественное воплощение в романе С. Шаргунова «1993. Семейный портрет на фоне горящего дома» состоит из 3 параграфов. В параграфе **2.1 «Роман Шаргунова «1993»: политический контекст и своеобразие его жанрово-художественных решений»** рассматривается это произведение как пример синтетического жанра, объединяющего два начала: политическое и семейное. Для романа характерна сложная поэтика: осязаемы отголоски советского «производственного реализма» и черты классической семейной хроники, впечатляют натуралистические зарисовки московского «технического» подземелья, есть элементы молодёжной

---

¹ Щипков А. В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.03. М., 2016. С. 26.

² Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016.

субкультуры и колорит «деревенской» прозы. В параграфе отмечаются тематические и структурные аналогии романа С. Шаргунова «1993» с романами В. Гюго «Девяносто третий год» и Ф.М. Достоевского «Бесы».

Политический пласт романа является точкой пересечения всех элементов его художественного мира, чем и определяется его доминантная роль. Политическая реальность в романе С. Шаргунова «1993» имеет хроникально-исторический характер, реализующийся в рамках нормативно-ценностной методологии. Особое внимание автор уделяет стратегиям и тактикам политической борьбы, отсюда присутствие в поэтике текста публицистической документальности, что наряду с объективно-реалистической манерой повествования позволяет определить жанр произведения как *«роман-свидетельство»*. С. Шаргунов использует последовательно-мозаичную пространственно-временную модель с многочисленными ретроспекциями и реминисценциями. Кинематографический приём параллельного показа позволяет автору создать эффект «парадоксальной связи» одновременных событий, контрастирующих по своей ценностной сущности. Используемая автором рамочная композиция выполняет не сюжетобразующую, а идейно-символическую функцию, что метафорически придаёт революционному процессу в России алгоритм цикличности.

В параграфе **2.2. «Традиционалистские автостереотипы романа»** анализируется роман С. Шаргунова как содержащий идеи и образы, характерные для традиционалистской литературы. Прежде всего, это изображение героев в историческом континууме, то есть не абстрактно и отчуждённо с привкусом изгойства или сиротства «без рода и племени», а в семейно-исторической парадигме, а именно: наряду с личностными качествами и жизненным опытом герои романа несут в себе и родовую генеалогию как неотъемлемую часть национально-исторического бытия. Важное место в романе занимает тема *природы*. В целом образ подмосковного леса в романе не мифологичен, хотя некоторые пейзажные зарисовки вызывают античные, фольклорные либо «церковные» ассоциации. Любовные сцены на лоне природы пародируют поэтику

куртуазных пасторалей. Нет в шаргуновском лесу ни извилистых путей познания мира, как в фолкнеровском «Медведе», ни «экологической мудрости», как в прозе Л. Леонова, В. Распутина, Л. Бородина. Природа в романе – это психологический фактор, умиротворяющее начало, где живая природная среда противопоставлена суете и холодной геометрии городских улиц. Украшением поэтики романа является фольклорный дискурс: пословицы, поговорки, присказки, народные приметы («грибное лето к войне»), забавные поверья («компот для бессмертия» или «от сквернословия зубы гниют»). Фольклорный элемент в романе перекликается с многочисленными метафизическими смыслами, которые нисколько не противоречат его реалистической природе: пророческое ясновидение, астрологические прогнозы, языческие видения, мрачные интуиции и т.д.. С развитием сюжета мотивы «бесконечности», «чуда» и «бессмертия» в «материалистическом» сознании главного героя постепенно обретают нравственно-этическое значение с намёком на закономерности высшего порядка.

Специфика восприятия действительности в романе С. Шаргунова заключается в том, что автор традиционные ценности (ностальгия по семейному ладу, особое восприятие природы, приоритет добротолубия в отношении к окружающим) соединяет с политическим контекстом, широко используя метафизический элемент, фольклорные мотивы и символику.

Параграф 2.3. «Типология и поэтика политических стратегий в романе». Несущей конструкцией архитектоники романа является политический дискурс, придающий произведению глубину и драматизм. Особенность заключается в том, что он представлен не «политологически», а через восприятие обыкновенного человека, сложившегося в советской среде, человека с обострённым чувством справедливости, коллективизма, социальной ответственности. Природная «соборность» русской души, в основе которой всегда были *справедливость* и *правда*, подсказывает герою необходимость всенародного объединения перед лицом угрозы российской государственности. Политическая тема представлена в двух идеологических дискурсных *топиках*: неолиберальном и консервативном. В контексте борьбы за власть они опираются на конфликтологическую парадигму.

По темпу актуализации их можно условно разделить на *массовое настроение* и *массовое поведение*. Первое – это срез, показывающий моральное состояние общества, расклад сил, политический настрой граждан, степень их доверия к власти – всё то, чем занимается социология. Его доминантой в романе Шаргунова является коллизия между старым и новым, а конкретно: реакция традиционалистского сознания на агрессивную десоветизацию российского общества, либо наоборот. По содержанию и целям – на *апологетические, нонконформистские* и *индифферентные*.

Поведенческий тип предусматривает политику прямого действия с доминирующей функцией *дифференциации*, обостряющей конфликт, переходящий в открытый протест. Использование документального материала позволяет автору изобразить события максимально объективно. В институциональной публицистике (призывы, обращения, указы, ультиматумы, митинговые речи) внимание уделяется трём аспектам: содержанию текста, стилю и образу выступающего. Лидеры противостоящих сил представлены читателю без особого пиетета. Выступления же народных трибунов примечательны своей мобилизующей силой и выгодно отличаются от официальных обращений артистичностью, меткими сравнениями, символами, структурой и ритмом. Но главное их достоинство заключается не в риторике текстов, а в несовместимых идеологиях, определяющих накал борьбы и драматизм ситуации. В структуре и поэтике «смотре политических сил» присутствуют дантовские реминисценции, элементы народного балагана и революционный пафос.

Авторский голос характеризуется относительной политической нейтральностью, поэтому жанр произведения можно определить как «роман-свидетельство». Однако посредством метонимии, метафор, сравнений, гиперболизаций в психологических портретах действующих политиков выражает своё отношение к ним с нравственно-этической позиции.

В романе нет религиозно-философских проблем, но в его духовно-идеологическом подтексте присутствуют мотивы соборности (идея совместной

борьбы, ностальгия по единству семейному и общественному), нестяжательства (критическое отношение к потребительской психологии), добротолубия (преодоление эгоизма и торжество любви над ненавистью). В финале романа доминирует моральный пафос, характерный для русской как консервативной, так и революционно-демократической классики: Ф. М. Достоевского, А. Герцена, Л. Н. Толстого, Н. В. Чернышевского, Н. С. Лескова и др.

Глава 3. Политический дискурс в романе А. Проханова «Красно-коричневый». Проблематика и эстетика» содержит три параграфа. Параграф

3.1. «Сюжет, проблематика и жанровое своеобразие романа». По своему жанровому статусу книга А. Проханова «Красно-коричневый» представляет собой политический роман в его современном интегральном варианте, включающим элементы боевика, детектива, готики, любовной интриги и т.д. Автор использует также неоромантические мотивы с их остротой сюжетных положений, природной экзотикой, разделением на героев и злодеев, прибегает к художественному «кодированию» персонажей, скрывая их под масками социальных либо профессиональных амплуа. Роман Проханова представляет собой образец художественно-политической аналитики монологического типа с ярко выраженным антилиберальным идеологическим началом, и в этом смысле, вполне соответствует определению «роман-памфлет». Политические реалии художественного пространства произведения включают в себя различные политические модели, стратегии, приёмы, замысловатые комбинации, психологические портреты государственных и народных деятелей. Автор использует линейный, хронологически последовательный ход сюжета.

Параграф **3.2. «Политические группы, лидеры, проекты и их роль в развитии драматических коллизий романа».** Политическое пространство романа имеет контрастную чёрно-белую фактуру и представляет собой «унифицированные образы, где часть функционально тождественна целому; весь космос построен по одной модели и артикулирован посредством оппозиции

священного и профанного, а также связи с ориентацией по свету»¹. В художественном сознании автора тeneвая сторона романа «Красно-коричневый» представлена группой реформаторов, поражающих своим гротескным обликом, построенном на зооморфизмах и комбинациях уродств «биологического низа». Оппозиционные же, близкие сердцу автора, силы представляют собой многообразную картину, состоящую из различных патриотических течений, объединённых функцией несогласия с действиями исполнительной власти. Левые силы состоят из двух групп: партийно-номенклатурной («Генсек») и народно-революционной («Трибун»). В описании первых превалирует стиль «ретро», схематичность, сухость, партийная замкнутость, грустная символика. Вторые являют собой реинкарнацию большевизма начала века с его пафосом классовой борьбы. Но энергетика эта театральна, эфемерна, а пламенные речи Трибуна звучат, словно эхо далёкого прошлого. Характерна анатомическая эмблематика персонажей («лоб», «кулак» и т.д.) Монархисты воспринимаются как бутафорское шоу с политически безопасной риторикой. Это впечатление усиливается несуразностью окружающей обстановки. Если «красные» и «белые» представлены Прохановым с элементами грусти, иронии и гротеска, то сторонников русского единства и их «Вождя» мы видим в фольклорно-романтическом ореоле. Объединённые «почвой» и не совсем понятной «верой» эти люди готовы отдать жизни за «Русскую Эру». Однако этнокультурная герметичность придаёт их движению сектантский характер и лишает широкой народной поддержки. Деятельность Фронта Национального Спасения (ФНС) при всей серьёзности обстановки и респектабельности персонажей воспринимается автором в шуточных, литературно-маскарадных образах. Реальной, державной политикой, которой герой романа готов отдать все силы, является «Новый курс» («Вельможа») с идеологией «Русской цивилизации», сочетающей государственность, православную веру, технический прогресс. Примером авантюрного псевдопатриотического проекта является план человека,

---

¹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.

которого автор условно называет «Хозяином». По всем признакам это демоническая фигура «теории заговора». В целом писатель использует разноплановый показ политических сил, для которого характерно контрастное эмоционально-оценочное отношение, с одной стороны, использование иронии, сарказма, карикатурной техники, литературно-маскарадных сравнений, фарса, с другой – фольклорно-романтической поэтики и державного пафоса.

Параграф 3.3. «Метафизический аспект и трансформации литературных, апокрифических и фольклорных традиций в романе». Роман А. Проханова представляет собой панорамную картину политической борьбы, соединяющую социологию с метафизикой, что позволяет увидеть в нём некоторые черты «магического реализма». Однако «двоемирие» в романе А. Проханова имеет не «магический», а метафорический характер эстетической иллюзии, поскольку метафора есть соединение вещи и образа условное, а не абсолютное, как это имеет место в магическом сознании¹. К метафизической сфере романа мы относим *религиозные* мотивы и *мифопоэтику*.

Религиозный аспект политического дискурса представляет собой комплекс образов и мотиваций синкретического характера, где переплетаются пантеистические и христианские мотивы. «Религиозное» действие романа развивается не в русле традиционного для русского философского романа богоискательства, а в плоскости антиномической коллизии ценностей христианской этики: добротолубия как любви к прекрасному, возвышенному, доброму и воинствующего Православия. Завершением христианской вертикали романа является образ «Божественной евангельской мечты» («России Небесной»), созданный отцом Владимиром в рассказе о его поклонении мощам преподобного Серафима в Девееве. Этот поэтический образ России не поддаётся логическому истолкованию, нет намёка и на пути достижения этого идеала, кроме искупительной жертвы. Именно таковой воспринимается в финале романа мученическая смерть главного героя.

---

¹ Вейман Р. История литературы и мифология / Р. Вейман; пер. с нем. О.Н. Михеевой. М: Прогресс, 1971. 302 с.

Если рассматривать произведение в мифопоэтическом плане, то его образно-структурным началом является «миф о Граале», сюжетообразующим стержнем – жанр «хождений» с описанием диковинок и чудес, интрига развивается по схеме «волшебной сказки». Роль символики Грааля, важной для рыцарской культуры средневековья, состояла в том, что она соединяла осколки полузабытой мифологии с христианской сакраментальной мистикой¹.

Роль условного «Грааля» (секретная информация) выполняет в романе двойную функцию: это и залог возрождения России, и «кощеева игла», на которой зиждется жизнь Властелина, то есть инструмент шантажа, дающего обладателю неограниченную власть. Образ Грааля обуславливает не только структурную фактуру романа Проханова, но и его тональность, напоминая пафос поэмы Кретьена де Труа «Персеваль, или повесть о Граале», где жизнь витязя представлена как исполнение мистического предназначения. Подобное происходит и в «Красно-коричневом», где простое желание героя помочь оппозиции постепенно превращается в духовный подвиг высшего порядка. Однако в развязке этой истории преобладает не трагический или героический пафос легенды, а абсурд, сарказм и гротеск. Таким образом, профанический путь «Хозяина» и его слуги завершается гротескно-саркастическим симулякром постмодернистской гиперреальности, в которой нет места позитивно-ценностной системе. Фарсовая развязка поиска не означает, что таинственный Грааль – это иллюзорная субстанция. Смысл прохановского Грааля состоит в том, что подлинная святость непоругаема грязными помыслами авантюристов. Поэтому и происходит хитрая подмена, следовательно, политическая тема романа остаётся открытой, поскольку побеждает в этой сложной игре «не обнаруживший себя кто-то другой», следовательно, остаётся надежда на продолжение борьбы. В этом заключается смысл исторического оптимизма Александра Проханова.

В романе просматриваются ключевые, играющие роль своеобразного палимпсеста, структурно-смысловые составляющие жанра «хождений», а именно:

---

¹ Аверинцев С. Грааль [Электронный ресурс] // URL: [https:// azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/86](https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/86) (Дата обращения 16.01.2019).

мотивация цели «путешествия»; новизна увиденного (герой поражён изуродованным обликом Москвы); детальность, объективность изображаемого; функция повествователя (дипломатическая, паломническая), объединяющая ряд очерков и придающая им определённую тональность; использование временного и пространственного композиционных принципов, включающих различные происшествия и события. Это последнее обстоятельство придаёт «хождению» черты травелога, в частности, «романа дороги», в котором вымысел сочетается с конкретикой, акцент делается на интриге, а сам путь приобретает символическое значение. В мировоззренческой сфере текста просматривается характерная для травелога архетипическая оппозиция «своё-чужое» и вытекающая из неё политическая проблематика. Неотъемлемым элементом травелога является личная история героя-рассказчика, так называемый «квест» (адвентюра), то есть его реакция на то, что он видит вокруг. В романе «Красно-коричневый» эти составляющие травелога объединены, и мотив «хождений» играет двойную функцию. На сюжетном уровне этот художественный приём, позволяет автору показать широкую панораму политической жизни страны накануне трагических событий 1993 года. Другой уровень смысла близок по своему значению к фразе «хождение по мукам» как процессу преодоления тяжелых духовных или жизненных испытаний, поскольку «хождение» главного героя романа является путешествием в поисках истины, где каждая встреча, каждый диалог – есть ступень к пониманию сущности российской державности, исторической миссии русского народа, духовных основ государственного жизнеустройства.

Одним из важнейших аспектов поэтики романа «Красно-коричневый» является алгоритм его действия, схожий с функциями героев волшебной сказки в классическом варианте В. Проппа¹. Парадоксальность развязки романа в том, что формальный победитель (антагонист), по сути, тоже терпит поражение, поскольку предмет поиска оказывается мнимым. Подобная трансформация финальной части схемы придаёт сюжету абсурдно-трагический колорит «мрачных сказок» («Русалочка», «Гамельский крысолов», «Синяя борода», «Лихо одноглазое»,

---

¹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007.

«Мать с того света» и т.д.), что вполне соответствует минорной тональности всего произведения. Помимо этого, мы видим, что сюжетный ход сказки может плодотворно взаимодействовать с политическим содержанием романной формы, обогащая его фольклорным колоритом, ритмичной динамикой и мистическим элементом. Помимо этого, сказочная схема построения сюжета способствует цельности психологического восприятия художественного мира произведения и усиливает его эстетический эффект, подспудно выделяя в нём народное начало.

Глава 4. «Роман Л. Бородин «Трики, или Хроника злобы дней»: мировоззренческие доминанты и поэтика» содержит три параграфа. Параграф **4.1. «Религиозно-этическая концептосфера романа»**. Богатое смыслами заглавие «Трики, или Хроника злобных дней» представляет собой метафорический образ «смуты», реализующийся посредством нескольких семантических блоков и импликаций: мотива троичности, библейских и литературных аллюзий, связанных идеей христианского противления злу, а также исторической достоверности. Для писателя понятие «смута» не ограничивается определённой эпохой. Бородин указывает на триединую структуру этого надысторического концепта: месть, гнев и маниакальная уверенность в собственной правоте. Эта формула имеет религиозно-мистический подтекст, означающий, что «смутное время» – это историческая ситуация, при которой одержимость людей злым духом лишает их человеческого облика. В романе «Трики», посвящённом событиям второй половины XIX века, сказочный антураж политической борьбы, характерный для «Царицы смуты» и финала «Третьей правды» трансформируются в понятие – «злоба». Здесь этот набирающий силу образ утрачивает очертание «демонов-шельмецов», которые бегут от ладана и молитвы, и обретает вид социальной раковой опухоли. Сочетание «злоба дня», означающее «злободневность», через диалогическое взаимодействие с «Дневником писателя» Ф.М. Достоевского выводит на уровень смыслов, касающихся нравственных основ справедливости, истины, понимания сущности подлинного богатства. Таким образом, по Достоевскому, «злоба дня» для России это преобразование её жизни по законам *нестяжательства, соборности* и

добротолубия. Эти истины, не утратили своей «актуальности» и в России Л. Бородина. В этой плоскости философия писателя созвучна также идеям К. Леонтьева, считавшего, что, несмотря на эсхатологическую обречённость этого мира, «любовь, прощение обид, правда, великодушие были и останутся навсегда коррективами жизни»¹.

Называя свой роман «хроникой», Л. Бородин намекает на особое значение понятия «*время*» как субъекта исторического процесса и соотносит его с психологическими свойствами жизни, обусловленными социально-исторической парадигмой и её императивами. Метафору подобного понимания «хроноса» Бородин создаёт в «Повести странного времени» (1969), в которой безымянные герои произведения («я», «мать», «отец», «приезжий», «лесник», «человек») представляют собой обезличенные функции эпохи, живущие по законам «двоемыслия» или «коллективного солипсизма»². Слово «хроника» имеет также архаический оттенок, указывающий на провиденциализм средневековых летописей, в которых вера в чудеса и знамения заменяла причинно-следственные отношения. К религиозно-философским символам относится образ «троичности», означающий в христианстве триединство Бога и Его всевидящее око. В христианской антропологии триада означает: дух, душа и тело. В гуманистическом смысле – это мысль, воля и действие. В философии – это символ завершённости: начало, середина, конец. Все эти ипостаси природы человека в той или иной степени персонифицированы в образах главных героев романа Л. Бородина.

Параграф 4.2. «Либеральные и патриотические силы в политической жизни Москвы». Политический дискурс является организующим тематическим началом произведения. Его можно подразделить на три тематических топика: либерально-демократический, традиционалистский и постсоветский (с кульминацией в октябрьские дни 1993 г.). В описании диссидентского движения преобладает сатирический пафос и вполне ощутима переключка

---

¹ Леонтьев К. «О всемирной любви» / Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике. // Ф.М. Достоевский и Православие. М.: «Отчий дом», 1997. С. 261-297. С.276.

² Берджесс Э. 1985.М.: АСТ, 2019. С. 46.

с «грязными», «циничными», «злобными» и «чванливыми» нигилистами Н. Лескова¹. Персонажи диссидентских тусовок напоминают маски комедии дель арте с её слезами и смехом, трафаретными героями и глупыми импровизациями. Важную роль в описании либералов играют группы открытых символов: топографические (улицы, переулки, населённые пункты), интерьерные (комнатная обстановка, картины, фотографии, книги), речевые коды: «эта страна», вместо «наша», «мировое сообщество» как эталон «человеческого облика», «мы – потенциал нормальных исходов» и прочее. Отношение писателя к этому политическому крылу однозначно: образом-лейтмотивом либерально-диссидентской темы является слово «крамола», а сущностью нонконформистов – политическая «смердяковщина».

Отношение Л. Бородин к советской патриотической интеллигенции представляет собой довольно сложную проблему. Двоякость, половинчатость этой социальной прослойки является проявлением парадоксальной смеси «идейности и беспочвенности». Под «беспочвенностью» Бородин понимает отрыв советских «русистов» от православия и сотрудничество с безбожной властью. Большинство представителей этой партии сторонники постепенных преобразований в сторону обретения корней. Но методы их осторожны, программа невнятна, действия нерешительны. Отношение Бородин к этой группе неоднозначное. Большинство сцен, связанных с «партийными почвенниками», имеют пародийный характер. Писатель, разделяя некоторые позиции этих людей, не видит за ними будущего, поэтому символично их незаметное, удивительно быстрое, исчезновение с политической арены после крушения коммунистического режима. Завершается «русская тема» в сознании главного героя Виктора уже в постсоветское время, накануне осенних событий 1993 года, тремя яркими метафорическими каскадами. В *первом* случае герой сравнивает своё диссидентское прошлое с ракетой, отталкивающейся в космосе от своей собственной выхлопной струи. На *второе* размышление о сути происходящего

---

¹ Лесков Н. С. Некуда // Собрание сочинений в 12т. Т 4. М.: Правда, 1989. 672с.

Крутова наталкивают патриотические идеи М.Т. Лорис-Меликова о самобытности русского исторического бытия. Для выражения «фатальности исторической поступи» Бородин использует различные поэтики. Первый вариант – элегический. Смысл метафоры – поверхностно-интуитивное движение политической мысли, отсюда грусть, сожаление, мрачная ирония. Во втором случае стиль более публицистичен. В сознании Крутова трагизм самобытности русского пути усиливается образом «стены» как ёмкого символа роковой непреодолимости, безысходности, непонимания. Третья часть рассуждений наиболее драматична. Это внутренний монолог на грани нервного срыва или умопомрачения. Его пафос – отчаяние и самобичевание, образы резки, мысли и чувства, сталкиваясь в неразрешимых дилеммах, противоречат друг другу и не приближают к истине, а затуманивают её, порождая в сознании героя когнитивный диссонанс и гротескные парадоксы типа «Русская мысль заплесневела настолько, что, как инфлюэнцей заразилась самопагубством»¹. Корень этих душевных метаний героя понятен ему, но непреодолим. Прежде всего, это неразрешимое противоречие между рационализмом его ментальной природы и открытостью души к явлению чудесным. Рассудочность замыкает его в скорлупе эгоцентризма, духовное начало влечёт к сферам высшего порядка. Поэтому один из главных метафизических символов романа – чудо «предутреннего сияния храмового купола» – связывается с проблемой его жалких болячек и воспринимается, как «голографический эффект», а не «знамение равновеликое по цели Тому, от Кого оно «ниспослано»².

Параграф 4.3. «Чёрный октябрь» 1993 года и его идейно-художественный образ» посвящён главному событию романа – штурму Верховного Совета. Это не только развязка конфликта, но и условный финал семейно-бытовой линии, поскольку именно ситуация в столице мотивировала поступки героев, оказавшихся в критический момент в эпицентре событий. Автор задействует в последней главе хорошо освоенные им элементы романтизма: случайные встречи, коварные совпадения обстоятельств, неожиданные повороты

---

¹ Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 352.

² Там же.

судьбы, погони, стычки, мистику, символы. Немаловажную роль играют парадоксы: невероятное возрождение единства трёх товарищей происходит в условиях полного социального раздора, обретение семейного мира – на фоне разгорающейся гражданской войны, мы видим также соединение несовместимых политических лозунгов и символов, очевидны намёки на исторические и символические параллели.

Главное отличие «Триков» от романов С. Шаргунова и А. Проханова заключается в том, что Л. Бородин воспринимает события 1993 как кардинальный *исторический* поворот в судьбе России с непредсказуемыми последствиями. Отсюда подлинное действие происходит не на улицах Москвы и не перед Домом Советов, а в сознании героя, что обуславливает композицию и поэтику заключительной главы с её открытым символическим финалом: заревом пожара и отблесками «бесформенных звёзд», сливающихся с яркой рекламой товаров¹. Финал сюжета, несмотря на то, что касается кульминации конституционного кризиса 1993 года, не несёт в себе политического смысла *борьбы за власть* между правительственной и парламентской стороной. В этом столкновении у Бородина нейтральная позиция, обусловленная его собственным, выстраданным пониманием российской истории новейшего времени. Таким образом, политический дискурс в романе Л. Бородина является не самоцелью произведения, а средством постижения провиденциальных смыслов русской истории, неотъемлемой частью религиозно-философской парадигмы национального сознания, и в этом плане роман Л. Бородина – есть книга о высшем смысле национального бытия, о роли в нём каждого русского человека. Не затрагивая богословских проблем, не ссылаясь на тексты Священного Писания, это произведение остаётся в высшей степени религиозным, поскольку основой его духовной ауры является православное *добротолубие*, побеждающее ненависть, ревность, гордыню и страх как главные орудия смуты. Жанровую а

---

^{1 1} Бородин Л.И. Русская Смута: Царица Смуты: Повесть. Трики или Хроника злобы дней: Роман. М.: Хроникер, 2001. С. 381.

специфику произведения можно определить как *роман-размышление* об эпохе сложных исторических, духовных и политических коллизий.

В **Заключении** представлены основные выводы, полученные в ходе исследования.

В процессе анализа социально-политических реалий как литературного феномена в романах С. Шаргунова, А. Проханова и Л. Бородина определена их дискурсивно-аксиологическая парадигма с опорой на традиционные ценности, научно обоснованы жанровые модели, обусловленные как мировоззренческими доминантами, так и поэтикой текстов, построенных по принципу метафорического взаимодействия социологии с метафизикой на пути постижения смыслов российского исторического бытия.

Основное содержание научного исследования нашло отражение в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Переяшкин А. В. Художественная специфика политического дискурса в "революционных" рассказах Б.К. Зайцева // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. – № 2. – С. 248-251.
2. Переяшкин А. В. Лев Толстой и политический дискурс в России на рубеже XIX-XX веков // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. – № 3. – С. 241-244.
3. Переяшкин А. В. Типология политического дискурса в художественных текстах // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. – № 2. – С. 177-181.
4. Переяшкин А. В. Нравственно-этическая концептосфера в романе Л. Бородина «Трики, или Хроника злобы дней» // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. – № 2. – С. 116-221.

В других научных изданиях:

5. Переяшкин А.В. Особенности политического дискурса в литературно-художественном тексте // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2017. – № 1 (16). – С. 72-76.
6. Гончарова Я.А., Переяшкин А.В. Мотивная палитра "кавказского дневника" в парадигматике "антропологического поворота" // Русский язык и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1 (16). – С. 181-186.
7. Переяшкин А.В. Поэтика политического дискурса в новеллистике Б.К. Зайцева // Сб. научн. трудов / Международная научная студенческая конференция «Русский язык, литература, культура: от прошлого к настоящему», посвященная 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына 19 апреля 2018. – Эскишехир (Турция): Анатолийский университет, 2018. – С. 128-136.
8. Переяшкин А.В. Политический дискурс в романе Ф. М. Достоевского "Бесы" // В сборнике: Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории Материалы III Международной научно-практической конференции. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – С. 200-205.
9. Переяшкин А.В. Жанровая поливалентность политического дискурса в литературно-художественном творчестве // В сборнике: Университетские чтения – 2019 Материалы научно-методических чтений ПГУ. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – С. 19-24.
10. Переяшкин А.В. Политический дискурс в романах В. Гюго "девяносто третий год" и С. Шаргунова "1993" // В сборнике: Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе Материалы международной научной конференции / отв. ред. А. А. Стрельникова. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 117-127.
11. Переяшкин А.В. Риторические коды политического дискурса // В сборнике науч. тр: Культурный код в интермедиаальном пространстве / Под редакцией С. М. Алтыбаевой. – Алматы: Ғылым, 2019. – С. 366-275.

12. Политический дискурс в романе А. Проханова «Красно-коричневый». Проблематика и поэтика // В сборнике: Университетские чтения – 2020. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Часть 7. – Пятигорск: ПГУ, 2020. – С. 24-29.
13. Переяшкин А.В. Поэтика онейросферы в романе Л. Бородина «Трики, или хроника злобы дней» // В сборнике: Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Касьянов, Ю.М. Павлов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 302-309.
14. Переяшкин А.В. Диссидентская тема в политической публицистике Л. Бородина // Русский язык и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1 (18). – С. 42-48.